

Отзыв

об автореферате диссертации Куцаевой Марины Васильевны «Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки) и 10.02.19 – Теория языка

Диссертационное исследование М. В. Куцаевой посвящено социолингвистическим аспектам функционирования чувашского языка в Москве и Московской области. Актуальность такого исследования несомненна. В то время как в литературе в качестве территорий компактного проживания чувашей, как правило, фигурируют лишь субъекты Урало-Поволжья, в последние десятилетия в силу активизировавшихся процессов трудовой миграции московский регион становится одним из мест средоточия чувашского населения. При этом социолингвистический профиль чувашской диаспоры Москвы и области остается малоизученным, хотя он, очевидно, должен быть отличным от засвидетельствованного в иных – сельских и более «традиционных» – районах компактного проживания. В связи с этим появление специального исследования, которое впервые описывает бытование чувашского языка в московском регионе, заслуживает пристального внимания.

Первая глава рассматриваемой диссертации («Язык и этничность в условиях диаспоры») имеет теоретический характер и посвящена раскрытию ключевых понятий, затрагиваемых в диссертации. Представленный в исследовании обзор терминологической дискуссии тем более уместен, что многие из этих терминов не имеют общепринятого толкования. Во второй главе («Языковая биография респондентов») излагаются методологические основы и описывается процедура социолингвистического опроса, без чего невозможно было бы корректно интерпретировать результаты исследования (глава 3 «Актуальное исследование чувашского и русского языков в чувашской диаспоре московского региона»). Среди последних, естественно, важны приводимые данные о билингвизме и сферах использования чувашского языка. Особый интерес представляет та часть исследования, где представлен детальный обзор функций, в которых используется чувашский язык в московской диаспоре. Среди этих функций фигурируют и те, которые достаточно редко затрагиваются в работах лингвистического характера (например, чувашский как язык снов).

Работа основана на глубоко проработанной теоретической базе, оперирует представительным фактическим материалом, представляет важные – и в некоторых случаях достаточно неожиданные – результаты исследования бытования чувашского языка в московском регионе, написана ясным языком и в целом выполнена на высоком уровне. Вместе с тем, по прочтении текста исследования у меня возник ряд замечаний, и на двух из них хотелось бы остановиться подробнее (далее, следуя требованиям формата, я опираюсь на текст автореферата диссертации, хотя ознакомился и с полным текстом диссертации).

Во-первых, возможно, ввиду не самых удачных формулировок не вполне ясными представляются принципы выборки респондентов для исследования. Темой диссертации заявлено исследование функционирования чувашского языка в *диаспоре* московского региона, но споры вокруг содержания этого термина и связанная с этим неопределенность, подробно рассматриваемые в тексте исследования, как будто сказались и на подходе автора. С одной стороны, судя по замечанию диссертанта (с. 9 автореферата), единственным основанием для включения в выборку, помимо проживания в московском регионе, была чувашская самоидентификация у респондента и по крайней мере одного из его родителей. Иных критериев для включения респондентов в выборку, как можно понять, не выдвигалось, что имплицитно указывает на широкое – и наиболее частотное в повседневном употреблении – толкование «диаспоры» как части этноса, проживающей за пределами исторической родины. Но с другой стороны, эксплицитно исследователь высказывает в пользу более

узкой интерпретации термина «диаспора», называя ряд критериев «диаспоральности», включая, например, такие черты, как «готовность сохранять и передавать культурное наследие этнической группы», «повышенный интерес к вопросам истории и культуры народа» и др. (с. 8). Надо думать, чувашская самоидентификация не предполагает автоматически интереса к корням или готовности «передавать культурное наследие». При этом многие из статистических выкладок автора наводят на мысль о том, что непропорционально большую долю респондентов составляли именно люди, активно интересующиеся национальной культурой и, более того, участвующие в работе институтов, поддерживающих этническую идентичность в условиях диаспоры. Например, об этом говорит очень высокий процент (20 %) респондентов из второго поколения, посещающих курсы чувашского языка при полномочном представительстве Чувашии в Москве (с. 17; такая доля была бы неправдоподобна в случае представительной выборки по единственному критерию наличия чувашской самоидентификации). Но в таком случае уже не вполне ясно, как с озвученным узким толкованием «диаспоральности» соотносится, например, очень умеренная готовность (58,6 %) респондентов знакомить своих детей с культурой чувашского народа (с. 24). Ввиду сказанного, для меня остался открытый вопрос о репрезентативности выборки респондентов и о том, к какой же, собственно, общности применимы приводимые автором статистические данные.

Во-вторых, формулировка выносимого на защиту положения 1 (с. 5) предполагает авторское деление респондентов на «выходцев из деревни» и «уроженцев городов, районных центров и поселков городского типа Чувашской Республики». Отсюда можно сделать, видимо, ошибочный вывод, что в целом в исследование были вовлечены выходцы исключительно из Чувашской Республики. Учитывая очень дисперсное расселение чувашей в России, на которое указывает и автор, едва ли это соответствует действительности, а если соответствует, то вновь встает вопрос о репрезентативности выборки респондентов. В целом было бы интересно получить данные о том, различается ли социолингвистическое поведение жителей московского региона, родившихся в Чувашской Республике и в других регионах традиционного проживания чувашей.

Указанные замечания не влияют на общую оценку работы, которая, безусловно, содержит множество ценных наблюдений и выводов и в целом является значимым вкладом как в социолингвистику, так и в чувашское языкознание. Диссертация М. В. Куцаевой соответствует требованиям действующего Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК РФ, а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальностям 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки) и 10.02.19 – Теория языка.

01.09.2018

Савельев Александр Владиславович,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института изучения
истории человечества Общества Макса
Планка, г. Йена (Германия)

Адрес:
Aleksandr Savelev
Max-Planck-Institut für Menschheitsgeschichte
Kahlaische Strasse 10
07745 Jena
Germany

Max-Planck-Institut
für Menschheitsgeschichte
Kahlaische Straße 10
07745 Jena, Germany